

Редакция газеты „Нижегородский листок“. В центре — М. Горький.

А. СВОБОДОВ.

РОДНОЙ КРАЙ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО.

Старый Нижний Новгород был не только местом рождения великого пролетарского писателя (1868 г.), где протекали его детские и юношеские годы (1872—1884 г.), но и колыбелью его революционной и общественной деятельности. Здесь его три раза арестовывали (1889, 1898 и 1901 гг.), здесь он сидел в тюрьме, здесь он получил революционную закалку, а после ареста 1901 г. ему запрещено было жить в родном городе, так как, по мнению жандармских властей, его пребывание „является весьма нежелательным для общественной безопасности и порядка“. В старом Н. Новгороде М. Горький широко развертывает и свою общественно-просветительную работу (1896—1903 гг.). Его мы видим принимающим участие в постройке Народного дома, а затем руководителем первой труппы, которая играла в Народном доме; его мы видим организатором чайной-читальни для „золотой роты“; с кружком единомышленников устраивает он елки для бедных детей, обитателей окраин и чердаков; он же заботится об устройстве бесплатного катка для малышей. Немудрено, что квартира М. Горького в Нижнем Новгороде в начале 900-х годов была местом паломничества многих людей. Щедрой рукой оказывал Алексей Максимович всем помощь: и личными хлопотами, и материальной поддержкой, и организованной самопомощью. Наконец, родной город был колыбелью его журнальной и литературной деятельности (газета „Волгарь“, а затем „Нижегородский листок“), он был сви-

детелем расцвета художественного таланта своего великого земляка (1896—1903 гг.). Вышедшие в 1898 г. первые два тома „Очерков и рассказов“ М. Горького моментально и полностью разошлись, через год они выпускаются уже вторым изданием. В 1901 г. немецкий журнал писал о популярности М. Горького в западной литературе: „Одним из популярных писателей в Европе в настоящее время является бывший босяк — имя его Максим Горький“.

И до самых последних дней своей жизни А. М. Горький поддерживал крепкую связь с родным городом, интересовался жизнью и культурным ростом родного края, руководил работой над созданием „Истории Горьковского края“, присылал свои книги, картины, предметы в литературный музей им. М. Горького, в публичную библиотеку имени Ленина, в Краевой музей. Вот почему старый Нижний Новгород по постановлению правительства в 1932 г. стал называться именем своего великого и славного земляка.

* * *

В интересной статье „Беседы о ремесле“ (1931 г.) М. Горький поделился с читателем о том, как он работал над повестью „Фома Гордеев“, откуда он черпал материал, кто служил ему прототипами, кого он воспроизводил в своих художественных образах — Маякина, Фомы Гордеева, Щурова и др. Оказывается, что основным источником для его повести послужила действительность и люди, которых он знал и наблюдал в родном городе, в Поволжье. Взятый из действительности материал великий художник пролетариата претворил в художественные образы, поражающие своей типичностью и той обобщающей силой, которой они наделены. Недаром миллионер Бугров говорил автору: „Маякин — примечательное лицо. Я вокруг себя подобного не видел: такой человек должен быть“.

Это ценное признание М. Горького о том, как он работал над „Фомой Гордеевым“, дает нам право и возможность проследить, — конечно, очень бегло, — где и как в творчестве М. Горького нашли отражение родной край и его люди. Здесь мы должны предупредить читателя, что к художественному творчеству нельзя подходить с точки зрения наивного реализма. Художник-писатель не фотограф, а творец, берущий кусок жизни и воплощающий его в художественных образах, в самой композиции произведения через призму своего классового восприятия. Писатель не только отбирает из действительности то, что ему нужно, но и „домысливает“, дополняет, как выражается М. Горький, по принципу гипотетического построения. Это нужно иметь в виду при подходе к данной теме.

Родной город, его жизнь и люди Н. Новгорода и Поволжья нашли свое отражение не только в таких художественных произведениях, как „Фома Гордеев“ или „Мать“, „Дело Артамоновых“, „Жизнь Клима Самгина“ или „Городок Окуров“, но и в его многочисленных фельетонах, статьях и письмах, которые он помещал в „Нижегородском листке“ за 1896—1903 гг. Особенно богато освещена жизнь города, Нижегородской ярмарки и Всероссийской промышленной выставки в затерявшихся фельетонах „Нижегородского листка“ и „Одесских новостей“. Поэтому остановимся сперва на журнальной, публицистической деятельности М. Горького, которая дает ключ для понимания и его художественного творчества.

Перед нами тонкий наблюдатель, разоблачающий показную сторону эксплуататорской природы промышленника-купца. Пред нами молодой боец-революционер, для которого основным лозунгом было: „восставшего поддержи“. Пред нами художник-публицист, умеющий ярко и красочно в художественной форме передавать наблюдаемые факты.

Возьмем сперва его малоизвестные письма „Со Всероссийской выставки“, печатавшиеся в 1896 г. в „Одесских новостях“. Аналогичные статьи

были помещены и в газете „Нижегородский листок“*. Уже в первом своем письме от 20 мая (№ 3643) М. Горький сразу же вскрывает фальшь и противоречия тогдашней жизни, ее хозяев-промышленников и купцов.

„Я приехал в Нижний 15-го, и на меня, нижегородца, знающего город, как свои пять пальцев, он произвел странное впечатление чистотой, которая еще год тому назад совершенно не была ему свойственна, новыми зданиями, скверами... Приятно было видеть все это внешнее благообразие, но скоро за ним почувствовалась фальшь глубокая, внутренняя ложь: грязь, гниль и сор, накопленный десятками лет, не уничтожен в течение одного года, и не только окраины города остаются в первобытном чуждом виде, но и многие из бойких улиц центра“. И от показной внешности города автор невольно переходит и останавливается на „хозяевах

Максим Горький. 1896 год.

жизни“, всех этих Бурмистровых, Бугровых, Рукавишниковых, Блиновых, которые ворочали большими капиталами и в городе и на Волге.

„И невольно вспоминаются наши „волгари“, люди „по старой вере“, благочестивые, сытые, жесткие; люди, ворочающие сотнями тысяч, имеющие десятки барж и пароходов и обсчитывающие своих рабочих на двугривенные; люди, от которых в будни пахнет дегтем, потом и кислой капустой и которые, надевая на себя в торжественных случаях вместо долгополых сюртуков и поддевок „цивильное платье“, — и в цивильном платье остаются кулаками“.

С особой силой и сарказмом обрушивается М. Горький на нижегородскую газету „Волгарь“, которая стала яркой выразительницей дум и желаний промышленников-кулаков. Как раз газета „Волгарь“ выступила тогда с обоснованием прав и вожделий купечества, которое выкинуло лозунг, что оно „все может“. Вот против этих притязаний „хозяев жизни“ и выступил М. Горький в письме от 8 июля (№ 3688).

* См. С. Д. Балухатый — „Творческая работа М. Горького“.

„Эта статья „Волгаря“, — писал М. Горький, — есть знамение времени, и она, говорю я, крайне характерна, как апофеоз купечества“. Автор-художник живо рисует картину грядущего шествия всемогущего купечества: „Разумеете, языцы, и покоряйтесь купону, ибо се он грядет и, все сокрушая на пути своем, разухабисто орет: „Гряди! Держи в сторону, раздавлю!“ „В самом деле — он грядет“, — замечает автор письма. — „У него есть все, что нужно для победы: деньги, пробуждающаяся сила самосознания, животная энергия. У него нет пока еще ума, но он купит себе ум. „Он все может“ купить, если ему станут „продавать“.

Вот этот грядущий „купон“ и „всемогущий капитал“ и промышленную выставку в Нижнем Новгороде устроили по подобию своему, внося свои навыки, свою психологию. И здесь наблюдается та же конкуренция, желание „перешибить соседа“, а потому выставка уподобляется „универсальной лавочке“, где собрано много хороших товаров и показано много образцов, но все это сделано „напоказ“. В то время, как вся буржуазная пресса пела гимны промышленному гению, восхваляла достижения развивающегося промышленного капитализма, М. Горький старается сорвать маски с хозяев жизни, обнажает изнанку выставки.

В письме от 3 июня (№ 3656) он пишет: „На выставке забыт стомилионный, неумытый, добрый и грубый, сильный и усталый народ, духовные запросы которого удовлетворяются так же, как удовлетворяется голод убогого Лазаря“. А после осмотра павильона горных округов Сибири, где были выставлены драгоценные камни, где давались сведения о добытом золоте, серебре, М. Горький писал: „Очень хочется знать, кто, чем и как вытащили из земли эти 10 000 пудов золота... Кто они, эти добрые гномы? Как они это делают и как они при этом поживают?“

В этих письмах М. Горький при каждом удобном случае стремится обнажить эксплуататорскую сущность капиталиста и показать настоящих творцов, трудами которых создавались все эти экспонаты и павильоны. Эти противоречия капиталистического строя, эта разница между „хозяевами жизни“ и рабочими и крестьянскими массами проходят через все его фельетоны, статьи и письма.

Вот тема — ярмарочные и выставочные „развлечения“. Сперва рисуется культура ярмарочного кабака, где, по словам автора, происходит „популяризация разврата и имитация искусства, если можно так выразиться“. Это только внешняя, извращенная культура купона, „культура галстука“. И в контраст этой пьяной, кабацкой вакханалии, продолжавшейся до 4—5 часов утра, автор рисует другую картину, уводящую в другой мир, в мир трудового рабочего люда. Концовка этого письма (№ 3673) заканчивается следующей картиной: „Светает уж. С реки, откуда-то издалека, несется унылая, стонущая, рыдающая хоровая песня:

Ка-ачай, наши, качай,
Знай, по-окачивай, качай!

Это выкачивают нефть из баржи в береговой кессон.

Валяй, наши, валяй,
Знай, по-ооаливай, валяй!

В этой песне, как вы видите, почти нет слов, но если бы вы слышали ее унылую, за душу хватающую, монотонную, больную и тоскливо рыдающую мелодию! Ночь так грустна, и эта песня, гармонируя с нею, отдается в сердце странно щемящим его эхом. Ее поют здесь всегда, когда качают нефть“.

Если эту картину М. Горький взял из жизни волжских грузчиков, то в наброске с натуры „Артист“ („Нижегородский листок“, 1895, № 153) автор дает другую зарисовку, рисует нам рабочих-крючников по нагрузке железнодорожных вагонов. Вот эта картина. „Толпа рабочих-крюч-

ников расположилась у железнодорожной насыпи в ожидании, когда им подадут вагоны для разгрузки, и лениво перебрасывается односложными замечаниями... Издали, с выставки и из гостиц, до них доносятся бойкие звуки браваурной музыки, глухой шум голосов, шипенье струй фонтана. Эти звуки вызывают замечание одного из рабочих: „Веселятся люди, которые имеют время на этот предмет“. Другой рабочий, продолжая мысль первого, говорит: „Это самое их веселье не нашего характера, не понимаемое, значит, нам... Нам бы вот ежели Мирон кузницу представил, это бы очень нашему брату приятно“, — доканчивает он. И вот Мирон, „этот кривой, вихрастый мужичишка, с морщинистым лицом“, начинает показывать работу кузницы. Он большой мастер, талант самодеятельного искусства. Аудитория напряженно его слушает, а в то время, когда „издали, с выставки, неслась мечтательная мелодия вальса“, Мирон „делал“ такой удивительно разнообразный шум — он шипел, высвистывал, гулко ударял себя в грудь и живот — целая какофония самых странных звуков... Шипело железо, погружаемое в воду, искры трещали, падали глухие удары молота, курился дымок... Пот выступил на лбу артиста.

— Бум! Кут! Ш-ш-ш! Все!

— Вагоны подали!

Смеясь, толпа рабочих, оживленная, с пробужденной энергией, пошла выгружать товары. Мирон торжествовал, сверкая глазами“...

Там, у господ, музыка — забава, развлечение от нечего делать, а у рабочего класса имеются свои артисты-художники, и для них их искусство не одно простое развлечение, а поскольку оно связано с процессом труда, оно им помогает, оживляет их, возбуждает для их трудовой деятельности. Если „хозяйева жизни“ холодно и часто с пренебрежением относились к народному творчеству трудящихся масс, то великий художник пролетариата с самого начала своей литературной деятельности с большой любовью, симпатией зарисовывает исполнителей народного творчества и противопоставляет их изнеженному и prostituiрованному „искусству жирных“.

* * *

Переходя к рассмотрению художественного творчества М. Горького и связи этого творчества с родным краем, должен сказать, что произведения будут рассматриваться не в хронологическом их появлении, а тематически, так как это даст возможность охватить основные классы того времени, типичных его представителей, так или иначе связанных со старым Нижним.

Прежде всего огромное значение для нас имеют автобиографические произведения, как „Детство“ и „В людях“, а также „Воспоминания“. В этих замечательных произведениях читатель знакомится с личностью самого Алексея Максимовича, с его детскими и юношескими годами, с формированием его, как будущего пролетарского писателя. Здесь показана жизнь его в Нижнем Новгороде, в семье деда Каширина и его любимой бабушки — Акулины Ивановны Кашириной. Перелистывая страницу за страницей, ясно видишь, какие тяжелые испытания приходилось переживать Алеше Пешкову, сколько страданий доставляли ему люди и социальные условия этого капитализирующегося города. Сам волжский город своим месторасположением очень нравился М. Горькому. В „Детстве“, на первых же страницах, автор выражает свое восхищение красотой города: „Пароход остановился против *красивого города*, среди реки, тесно загроможденной судами, ощетинившейся сотнями острых мачт“. Подобное же восхищение родным городом мы находим и в повести „Фома Гордеев“. Устами Смолина как бы повторяет свои высказанные мысли автор: „А мне нравится наш старый, славный город!.. Такой он красивый,

бойкий... есть в нем что-то бодрое, располагающее к труду... Сама его картинность возбуждает как-то... В нем хочется жить широкой жизнью... хочется работать много и серьезно”...

Нравилась М. Горькому и родная река Волга. Мало сказать — нравилась, — он ее очень любил, она сыграла огромную роль в его умственном и художественном развитии. Здесь, на матушке-Волге, среди грузчиков, матросов, рабочих, он понял и почувствовал поэзию коллективного труда рабочего класса. В „Моих университетах“, рассказывая о том, как он с грузчиками разгружал осенней ночью баржу, М. Горький не может не признаться в том, чем он обязан великой реке: „Меня влекло на Волгу к музыке трудовой жизни, эта музыка и до сего дня приятно охмеляет сердце мое“. Но и родной город и родная река в капиталистическую эпоху, при зверских аппетитах „хозяев жизни“, чаще всего оборачивались обратной стороной и доставляли пытливому уму и любвеобильному сердцу Алеши Пешкова много боли, много страданий. Возьмем только два примера, но в них мы увидим, как в зеркале, всю звериную мерзость тогдашней мещанской жизни и чуткую до чужих страданий личность мальчика, который не может оставаться спокойным, равнодушным, когда на его глазах происходят мерзости, подавляющие личность человека.

Первый случай возьмем из „Детства“, когда он жил в Канавине с матерью и вотчимом Максимовым. Последний грубо обратился с его матерью и раз даже позволил себе ударить ее ногой в грудь. Это так взбесило Алешу Пешкова, что он схватил нож и бросился на вотчима, распорол ему мундир и расцарапал кожу. Другой случай М. Горький рассказывает в повести „В людях“. Он служил десятником на ярмарке и должен был со Звездинки ходить Малой Покровкой на работу. Как раз на этой улице были трактиры, дома терпимости. Однажды он был свидетелем, как дворник одного из таких учреждений, схватив пьяную женщину, „впрягся в ноги девицы и, пятась задом, поволок ее на тротуар, как мертвую“. Алеша был поражен таким издевательством над женщиной, набросился на дворника, ударил его и освободил женщину от надругательства. И этот дворник стал врагом А. Пешкова и, чтобы отомстить ему, взял кошку и, когда тот проходил мимо дворника, ударил ее головой о тумбу... Рассказав этот случай, автор признается: „Как я не сошел с ума, не убил никого?“ И тут же объясняет, почему он рассказывает эти мерзости прошлой жизни: „А чтобы вы знали, милостивые государи, — это, ведь, не прошло, не прошло! Вам нравятся страхи выдуманные, нравятся ужасы, красиво рассказанные, фантастически-страшное приятно волнует вас. А я, вот, знаю действительно страшное, будничное ужасное, и за мной неотрицаемое право неприятно волновать вас рассказами о нем, дабы вы вспомнили, как живете и чем живете. Подлой и грязной жизнью живем все мы, вот в чем дело“. („В людях“, стр. 261, том 17).

Перед читателем проходит образ борца-протестанта против всех мерзостей тогдашней действительности.

* * *

М. Горький начал свою литературную деятельность с изображения босяков. „Емельян Пиляй“, „Дружки“, „Челкаш“, „Бывшие люди“, „Мальва“ громко прозвучали в тогдашней литературе и стали сразу в боевую позицию к прежним произведениям дворянско-буржуазной литературы. Эти рассказы говорили о сильном, свободолюбивом человеке, которому нет места в капиталистическом обществе. В одной из своих послереволюционных статей „О том, как я учился писать“ (1928 г.) Горький объясняет, почему он обратился в начале своего творчества к босякам.

„Живя в среде мелкого мещанства, — пишет автор, — видя пред собой людей, единственным стремлением которых было стремление жульниче-

ски высасывать кровь человека, сгущать ее в копейки, а из копеек лепить рубли, я... „всем своим трепетом“ возненавидел эту комариную жизнь обыкновенных людей, похожих друг на друга, как медные пятики чекана — одного года. Босяки явились для меня „необыкновенными людьми“... Я видел, что хотя они живут хуже „обыкновенных людей“, но чувствуют и сознают себя лучше их, и это потому, что они не жадны, не душат друг друга, не копят денег“.

И, действительно, такими „необыкновенными людьми“ и нарисованы и дерзостный Челкаш, и любящий независимость Коновалов, и вольнолюбивая Мальва.

Босячество было крупным общественным явлением конца XIX и начала XX столетий. Это — спутник развивающегося капитализма. В одном Новгороде в 1901 году было зарегистрировано босяков до 4000 человек. В этой же статье „О том, как я учился писать“ М. Горький, продолжая говорить о босяках, вспоминает, кого он видел и знал среди босяков Н. Новгорода. „В Нижнем, в Миллионке, среди „золотой роты“ дружно уживались бывшие зажиточные мещане с моим двоюродным братом Александром Кашириным, кротким мечтателем, с художником-итальянцем Тонтини, учителем гимназии Gladковым, бароном Б., с помощником полицейского пристава, долго сидевшим в тюрьме за грабеж, и со знаменитым вором „Николкой-генералом“, настоящая фамилия которого была Фан-дер-Флит“.

В повести „В людях“ Горький рассказывает, что он почти каждое воскресенье любил спускаться на Миллионку, где ютились босяки. Здесь-то в 80-х годах Н. Бугровым был построен для них ночлежный дом, а неподалеку находилось дневное пристанище для босяков — „Столбы“, в организации которого М. Горький принимал большое участие. Он так рассказывает об этом: „Мы (группа единомышленников М. Горького—А. С.) сняли помещение, где люди могли сидеть в тепле, давали им порцию чая за две копейки, фунт хлеба, организовали маленькую библиотеку, поставили пианино и устраивали в праздничные дни концерты, литературные вечера. Наше пристанище помещалось в доме с колоннами, его прозвали „Столбы“. Оно с утра до вечера было набито людьми, а босяки чувствовали себя подлинными хозяевами, сами строго следили за чистотой, порядком“*.

Вот это близкое знание босяков, их психологии и жизни и дало возможность М. Горькому создать широкие, типичные образы в указанных выше рассказах, очерках и драматическом произведении „На дне“. Видимо, многие нижегородские босяки и послужили прототипами для пьесы „На дне“. Таким является тот барон, о котором вспоминает М. Горький в статье „О том, как я учился писать“. Прототипом для Сатина послужил один из нижегородцев-босяков, бывший телеграфный чиновник. К. С. Станиславский в книге „Моя жизнь в искусстве“ рассказывает со слов Алексея Максимовича трагическую судьбу этого телеграфного чиновника и добавляет: „потом каторжник вернулся из ссылки и занимался тем, что ходил с распахнутой голой грудью по Н. Новгороду, с протянутой рукой и на французском языке просил милостыню у дам, которые охотно ему подавали за его живописно-романтический вид“.

Самый внешний вид ночлежки М. Горький представляет таким, каким видел его в Н. Новгороде или в других больших городах Великороссии. Вот что он писал из Арзамаса, где работал над пьесой „На дне“, руководителю Московского Художественного театра В. Немирович-Данченко: „Пьесу я кончил и несколько дней тому назад послал ее в Питер „Знанию“... Для пьесы у меня есть несколько снимков с природы, достану еще несколько и вышлю вам. Снимков ночлежки нет, только типы. Если бы я жил в Нижнем, то мне ночлежку срисовали бы, снимать нельзя. В ноч-

* См. также статью М. Горького „Для золотой роты“, в „Нижегор. листке“. 1901 г. № 305.

лежках нет света. В Екатеринославе ничего подходящего вы не найдете — я знаю, так что не беспокойтесь“... (1902 г.).

* * *

После пьесы „На дне“ М. Горький не возвращался к босякам, а сосредоточил свое внимание на изображении других классов и слоев населения. Видное место в его творчестве занимают представители мелкой буржуазии — губернское и уездное мещанство. Мещанство для М. Горького — определенная социальная группа, несущая с собой застой, косность, мелкий торгашеский расчет, жадность, бездушие, эксплуатацию человеком человека. Мещанство для М. Горького было смертельным врагом, это те „обыкновенные люди“, в полном смысле „нищие духом“ люди, которые являлись тормозом для других людей, стремившихся к новой, лучшей жизни. Их-то он видел и в близкой семье Кашириных, и в соседях, живших по Успенскому с'езду, на Полевой, Звездинке. Свое меткое художественное слово и направлял М. Горький против всех филистеров, против всякого рода мещан. В 1902 г. он пишет пьесу „Мещане“, в 1905 г. — злые „Заметки о мещанстве“, в 1909 г. дает замечательную картину провинциального уездного мещанства в „Городке Окурове“, а в 1929 г. пишет резкую статью „О мещанстве“ наших дней. „Мещанин, — писал М. Горький в 1929 г., — существо, ограниченное тесным кругом издавна выработанных навыков, мыслей и в границах этого круга мыслящее автоматически“. Такая застывшая и мертвая картина мещанства нарисована М. Горьким в „Мещанах“ и некоторых главах „Детства“ и „В людях“. Типы старика Бессемёнова, да и его сына Петра — в „Мещанах“ — прекрасно иллюстрируют эту социальную группу и четко показывают, как ненавидел автор мещанство. Устами Тетерева М. Горький дает убийственную оценку сыну Бессемёнова — студенту Петру: „Он так же будет жить, как ты, спокойно, разумно и упорно. Он переставит мебель и будет жить в сознании, что долг свой перед жизнью и людьми лично выполнил, он ведь такой же, как и ты. И жаден будет в свое время, и так же, как и ты, самоуверен и жесток“... Точно такое же отношение к мещанству читатель находит и в „Городке Окурове“. Окуровщина стала нарицательным именем, это — символ всего темного, тупого, бессмысленного и жестокого, что было в уездных городах в эпоху развития капитализма 80-х годов XIX столетия и начала XX столетия. Этот застой, неподвижность хорошо выразил поэт городка Окурова Сима Девушкин в следующих строках:

„Эх, попел был я веселых песен!
Да кому их в нашем месте нужно.
Город для веселья глух и тесен,
Все живут в нем злобно и недужно“.

Как известно, в основу замечательного произведения М. Горького легли впечатления, полученные автором от невольного пребывания в Арзамасе — в ссылке 1902 года. Единичное писатель сумел связать с общим, и получилась широкая, удивительно обобщающая типизация уездной Руси. Автор показал, что и эта злая темная сила — окуровщина — не всеильна, что и она разлагается и появляются и там новые люди, мечтающие о новой жизни.

* * *

В связи с развитием капитализма в 80-х и 90-х годах XIX столетия видное место в жизни Нижегородского края и Поволжья начинают занимать представители торгового и промышленного капитала. Недаром М. Горький в „Беседе о ремесле“ характеризует Н. Новгород следующим образом: „Нижний Новгород — город купеческий, о нем сложена поговорка: „Дома каменные, а люди железные“. За свои годы ученичества „в людях“ и за свои „университетские“ годы М. Горький хорошо сумел

изучить своих хозяев. Нижегородская ярмарка, куда стекалась буржуазия со всей России, а также Всероссийская промышленная выставка 1896 года предоставляли возможность широко изучить фигуру дельца, волжского мукомола и пароходчика, заводчика и предпринимателя. Все эти Бугровы, Блиновы, Башкировы, Бурмистровы, Рукавишниковы, Черновы, Сироткины — дельцы новой и старой закваски — давали богатый материал для художественных образов. И мы видим, что представители капитала нашли широкое отражение в творчестве М. Горького. Такие произведения, как „Фома Гордеев“, „Дело Артамоновых“, „Матвей Кожемякин“, „Егор Булычев“, „Достигаев и другие“ — это широкие полотна расцвета и гибели русской буржуазии. Сам Алексей Максимович признается в этой же статье („Беседа о ремесле“), что „на однотонном фоне“ нормальной жизни мелкого мещанства „железные люди“ казались мне более или менее необыкновенными, да они и действительно были такими“. И тут же прибавляет: „Особенно значительной была для меня повесть о Гордее Чернове“. Дальше он рассказывает, что его заинтересовало в сумасброде-„американце“ Гордее Чернове, который в один прекрасный день бросил все свои миллионы и ушел на Афон, приняв монашество. Таким образом, М. Горький указывает, что прототипом для Фомы Гордеева послужил Гордей Чернов; для Маякина считали прототипом Якова Башкирова; в основу романа „Дело Артамоновых“ легла судьба одной поволжской семьи, о вырождении которой М. Горький рассказывал Л. Толстому.

„Я хорошо знал жизнь почти всех крупнейших купеческих семей города и знал, что не один Чернов „выломился“ из „нормальной“ жизни, созданной трудом десятилетий“, — признается М. Горький в статье „Беседа о ремесле“. И в лице Фомы Гордеева, и в лице младшего Ильи Артамонова М. Горький показывает, что неприступные стены капиталистического строя начинают разрушаться не только под давлением рабочего класса, но и под влиянием разложения, вырождения в своей собственной среде. Недаром в „Фоме Гордееве“ М. Горький дал прекрасную картину, как на пуске парохода „Илья Муромец“, где собралось все именитое купечество города и духовенство, Фома выступил с обличительной речью и раскрыл пути и средства, какими наживали тысячи богатства Кононовы, Гуцины, Резниковы. В глаза „хозяевам жизни“ Фома бросил убийственные слова: „Вы не жизнь строили — вы помойную яму сделали! Грязищу и духоту развели вы делами своими... Чужой силой живете... чужими руками работаете“. И если буржуазия в „Фоме Гордееве“ показана сильной, но гнивающей, то уже в „Деле Артамоновых“, где действие происходит на р. Оке, в городе Дремове, неподалеку от губернского Воргорода (Нижний Новгород), перед читателем проходит картина развития и гибели промышленного предприятия Артамонова. Неслучайной была эта гибель. Она явилась результатом появления на исторической сцене настоящего хозяина жизни — рабочего класса. Устами сторожа Тихона автор дает оценку исторической роли буржуазии. Тихон говорит умирающему Петру Артамонову о гибели старой России: „Вот оно, как повернулось. Я говорил: вам каторга. И пришло. Смахнули, как пыль тряпичей, как стружку смели... Грешили, грешили — счета нет грехам. Я все смотрю: диво, когда конец. Вот наступил на вас конец. Отлилось вам свинцом все это. Потеряла кибитка колесо“... Такая же отходная песнь пропета в пьесе „Егор Булычев“, шедшей с таким огромным успехом на всех сценах нашего Советского союза. Фигура главного действующего лица этой пьесы была подсказана родным писателю Поволжьем.

Так полно, всесторонне, глубоко показал М. Горький класс „железных людей“, но показал и их исторически-неизбежную гибель под напором нового класса, могильщика капитализма, пролетариата.

Прежде чем перейти к отображению рабочего класса в творчестве М. Горького, надо остановиться на отношении и изображении М. Горьким интеллигенции. Великий пролетарский писатель прекрасно различал, что есть интеллигенция и интеллигенция. Одна — либерально-буржуазная, говорящая красивые слова, но ничего не делающая, а другая — революционно-демократическая, идущая к рабочим и крестьянству и вместе с ними ведущая революционную борьбу. Это — в большинстве своем — поднадзорная, терпящая голод и нужду, пересылаемая, высылаемая в места „не столь отдаленные“ интеллигенция. М. Горький хорошо знал и ту и другую интеллигенцию.

В своих статьях „В. Короленко“, „Время Короленко“ он даёт ряд интересных зарисовок интеллигентов, с которыми встречался в Н. Новгороде в период от 80 до начала 900-х годов. Здесь и писатель-народник — Петропавловский-Каронин, здесь и лучший знаток теории К. Маркса — П. Скворцов, здесь и другой представитель либерального народничества — В. Короленко со своим кружком единомышленников — Н. Анненским, Е. Елпатьевским, Иванчиным-Писаревым, А. Богдановичем. Они называли себя кружком трезвых философов. К ним примыкали и видные земские статистики — Дрягин, Кисляков, Плотников, Шмидт и др. Это были „хранители заветов героической эпохи“ „хождения в народ“. „Они, — говорит М. Горький в статье „Время Короленко“ (1923 г.), — казались мне святыми в увлечении „народом“ — объектом их любви, забот и подвигов. В них я видел нечто героикокомическое, но меня увлекал их романтизм, точнее социальный идеализм“. „Но, — продолжает дальше М. Горький, — я видел, что эти разнообразно хорошие люди — чужие в своей стране“. И тут естественно возник у М. Горького вопрос: „почему интеллигенция не делает более энергичных усилий проникнуть в массу людей?“

Так в те годы — конец 80-х годов — правильно и остро ставил вопрос М. Горький. Передовая интеллигенция должна быть с народом, с трудящимися массами, а не чувствовать себя над народом, какой-то надклассовой избранницей.

Интересно отметить, что уже в 1901 году М. Горький поместил в „Нижегородском листке“ статью „О размагниченном интеллигенте“ (№ 86), в которой обрушился на болтунов, краснобаёв-интеллигентов. „Большинство размагниченных интеллигентов, — писал М. Горький, — потому, главным образом, и противно, что, не имея мужества искренно сознаться в совершенной утрате живой души, искусственно возбуждает себя фразами, буесловит и лжет, усиленно пытается доказать, что не он мертв, а сама-де жизнь остановилась и омертвела. Тогда как жизнь неустанно растёт и вширь и вглубь, и нет сил, которые бы могли остановить рост ее“.

Подобные же мысли, в еще более резкой форме, были высказаны М. Горьким и 6 ноября 1901 года на банкете, устроенном местной интеллигенцией по случаю высылки М. Горького из Н. Новгорода. В ответ на приветствия и адреса присутствовавших М. Горький прочел им свое произведение „О писателе, который зазнался“, где он резко обрушивается на праздноболтающих интеллигентов. Одна из участниц банкета З. Ф. Штюрмер так описывает конец этого вечера: „Многие из присутствующих почувствовали себя оскорбленными резким приговором Ал. Мак.; некоторые молчали, задумавшись, немногие пытались возражать. Вечер окончился в каком-то растерянном настроении“. Так закончился роман М. Горького с нижегородской либеральной и радикальной интеллигенцией. Такую же позицию занимал к интеллигенции М. Горький до конца жизни. Он и в своих художественных произведениях ярко и сильно разоблачает болтовню, пустословие этой интеллигенции. Сюда относятся рассказы: „Озорник“ (1896 г.), „Варенька Олесова“ (1898 г.), „О черте“ и пьесы „Дачники“ (1904 г.), „Дети солнца“ (1905 г.), „Варвары“ (1906 г.) и нако-

нец его замечательное произведение „Жизнь Клима Самгина“. Начиная с редактора либеральной поволжской газеты Истомина, проф. Протасова („Дети солнца“) и кончая Климом Самгиным, — во все эти образы М. Горький вкладывает фальшь, лицемерие буржуазной интеллигенции, обнажает их нутро, как представителей буржуазного общества. Вот что говорит М. Горький ударникам, призванным в литературу, по поводу созданного им образа Клима Самгина: „Мне хотелось изобразить в лице Самгина такого интеллигента средней стоимости, который проходит сквозь целый ряд настроений, ища для себя наиболее независимого места в жизни, где бы ему было удобно и материально и внутренне“. К такой интеллигенции у М. Горького определенное отношение — резко-ироническое, разоблачающее.

Другое дело — интеллигенция революционная, работавшая вместе с рабочим классом, борющаяся за освобождение всех трудящихся от ига самодержавно-капиталистического строя. Такие светлые образы интеллигентов нарисованы в „Матери“ в лице Егора Ивановича, Николая Ивановича, Людмилы, Сашеньки, а в „Климе Самгине“ даны образы большевиков-революционеров, активных борцов за социализм — в лице Кутузова и Дунаева, как контрасты „размагниченным интеллигентам“, всей самгиновщине и протасовщине. Безусловно ряд персонажей „Клима Самгина“ навеян Нижегородским Поволжьем, знакомством М. Горького с разного рода интеллигентами, которых он встречал в родном крае. Недаром автор и Клима Самгина привозит на Всероссийскую выставку и Нижегородскую ярмарку и дает в своем романе широкое полотно тогдашней жизни Н. Новгорода.

Обрами интеллигентов-революционеров М. Горький четко и ясно говорит, что путь интеллигенции, ее счастье — в борьбе за рабочее дело, в борьбе за победу социализма. Он с первых шагов своей литературной деятельности ясно видел, что только „смелые соколы“ и бесстрашные буревестники обладают огромной общественной ценностью и только потому, что они идут и борются за общее дело, за дело социализма, которое призван был построить передовой и революционный рабочий класс.

* * *

Бессмертный вождь пролетариата В. И. Ленин в брошюре „Первые уроки“ (1905 г.) дал сжатую и яркую историю рабочего движения. „Почти 20 лет тому назад, в 1885 году, — писал Владимир Ильич, — произошли первые крупные рабочие стачки в центральном промышленном районе у Морозова и др. Тогда Катков писал о показавшемся на Руси рабочем вопросе... И с какой же быстротой развивался пролетариат, переходя от экономической борьбы к политическим демонстрациям, от демонстрации к революционному натиску!“.

И в творчестве нашего великого пролетарского писателя живо и ярко нашли отражение основные этапы революционной борьбы рабочего класса до великого Октября и после Октября, после завоевания власти пролетариатом.

М. Горький был близким участником революционного движения рабочего класса, начиная с 90-х годов. Недаром он сидел в тюрьмах и Казани, и Нижнего-Новгорода, и Петербурга (Петропавловская крепость). Близко и хорошо он знал жизнь рабочего класса и его авангарда — большевиков.

В. Десницкий в своих воспоминаниях об отношении М. Горького к нижегородской социал-демократической организации начала 900-х годов пишет: „Алексей Максимович знал всех видных участников организации. Формы помощи и содействия со стороны Горького были разнообразны. Горький, оказывая широкую денежную поддержку, принимал участие в устройстве нужных организации людей, предоставлении квартир, явок и адресов всякого рода“.

И эта кровная, ненарушимая связь М. Горького с революционным пролетариатом проходит через всю его литературную деятельность. Незабываемые слова сказал любимый наш вождь тов. Сталин Алексею Максимовичу в день его 40-летней литературной деятельности в 1932 году: „От души приветствую Вас и крепко жму руку, желаю Вам долгих лет жизни и работы на радость всех трудящихся, на страх врагам рабочего класса“.

Алексей Максимович с любовью, с глубоким пониманием запечатлел в ряде художественных образов представителей рабочего класса. Уже в 1896 году в рассказе „Озорник“ он вывел фигуру типографского рабочего Гвоздева, который, будучи не в силах терпеть фальшивые либеральные речи редактора и издателя газеты, сознательно исказил одно место передовой статьи и тем самым разоблачил сущность либеральной интеллигенции. Действие рассказа автор приурочивает к одному из поволжских городов.

В пьесе „Мещане“ М. Горький выводит фигуру рабочего-машиниста Нила, активного борца, который говорит Петру: „Правд не дают, правд берут“. В пьесе „Враги“ (1906 г.) М. Горький вывел яркие фигуры рабочих: большевика Синцова, слесаря Грекова, Якимова, Левшина и др. Недаром Татьяна, талантливая артистка, жена Якова Бардина, говорит на суде: „Эти люди победят“. Она хорошо понимала, что будущее за пролетариатом.

Для нас, горьковцев, огромное значение имеет повесть „Мать“ (1907 г.), в основу которой была положена действительная жизнь Сормова, первомайская демонстрация сормовских рабочих в 1902 г. и суд над руководителями ее — Петром Заломовым и его товарищами. В. И. Ленин восхищался сормовскими рабочими, которые открыто и смело выступали перед царским судом, доказывая свою преданность рабочему классу и его борьбе с самодержавием и с капитализмом.

Алексей Максимович в своем произведении „Мать“ вывел в лице Павла Власова, Феди Мазина, Находки и других — стойких революционеров-большевиков, которые своим энтузиазмом, своей организованностью заражали старшее поколение рабочих, и не случайно М. Горький героинею своего романа „Мать“ сделал мать Павла Власова — Ниловну, превратив ее из темной, забитой личности в сознательную участницу революционного рабочего движения.

Высоко ценил „Мать“ В. И. Ленин. Он говорил Алексею Максимовичу: „Книга нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно и теперь прочитают „Мать“ с большой пользой для себя. Очень своевременная книга“.

Одному из видных участников сормовского рабочего движения — М. Павлову, М. Горький посвятил теплые страницы своих личных воспоминаний (т. 19).

Эта связь с родным городом не прерывалась до конца жизни Алексея Максимовича.

* * *

Читая и перечитывая художественные страницы произведений М. Горького, многомиллионные читатели Советского союза всегда будут находить за широкими типическими образами и картинками реальное отображение классово-борьбы конца XIX и начала XX столетия, показанного гениальной кистью художника пролетариата и в то же время будут отмечать, что в основе многих произведений лежат факты, события и живые лица, взятые М. Горьким из родного края.